

...МАИНСКИМ поуж и м вечером я сидела в парке и смотрела, как мой внук Володя строил из сырого песка дворцы и замки. Каждый раз, когда я остаюсь с внуком, я неизменно обращаюсь к мысли о текущей жизни, о неповторимости прожитого и о том, что у маленького моего внука еще все впереди... Я не знаю, как сложится его жизнь, кем он будет. Но я понимаю, что это зависит и от меня, и я снова думаю о том, какой я должна быть, чтобы мой внук получил от меня все лучшее, что я могу ему дать.

Ход моих размышлений прервало появление светловолосой девушки, усевшейся на противоположной скамье. Она была так свежа, миловидна и привлекательна! Я залюбовалась ею, по-доброму завидуя ее юности. А как она зарделась, засветилась и расцвела, когда к ней подошел стройный юноша, которого она ждала.

Понятное чувство побудило меня отойти в сторону, чтобы не стать свидетельницей их встречи. Молодая пара, однако, никак не заботилась о целомудренной тайне своей беседы. Слишком громкие восклицания и смех поразили меня. Поневолье я стала прислушиваться к их разговору, который выглядел какой-то игрой, перебарыванием чужими, готовыми фразами. Предо мной были «светская» развязность и назойливая демонстрация интимности общения.

Заметив осуждение в моем взгляде, парень вызывающе нагло обернулся ко мне и с нажимом, как свирепословие, процедил: — Чего уставилась? Или погривил!

Самое пугающее было в поведении девушки. Она не понимала, что хамство ее знакомого началось прежде всего ее девичью честь, оскорбляло ее женское и человеческое достоинство.

Все последующие дни я вспоминала эту встречу. И только тогда, когда острота ошеломляющего разочарования прошла, я поняла, что смалодушничала, отвернувшись от глупой выходки шалопая, какую надо было бы по крайней мере высмеять.

Время шло, однако досада за себя, за свое негражданское безучастие к судьбе заблуждающихся, но наших ребят не утихала. И все больше и больше задумывалась: а много ли среди нашей молодежи хамствующих парней и беспечных к своему женскому достоинству девушек? Нет, конечно. Но и не так мало, чтобы не обращать на них внимания.

Касаясь дурных манер и безвкусицы, можно ли ограничивать свое внимание только молодежью? Ведь рецидивы мещанства, обывательщины, темного купеческого самодурства и буржуазного фарицейства проявляются и в среде взрослых людей, даже в целых семьях. И это не только злополучные слонки на полке дивана, и примитивные открытки, которые из-под юлы продаются на рынках. Чужеродное влияние буржуазного быта и бескультурия прошлого чаще всего прилепляются в нашей среде не в своем первородном естестве, а в модернизированной приспособленности к современности.

Здесь можно было бы поговорить и о карточных играх, что процветают в поездах и на курортах; и о новом «стиле» танцев, когда под самую бойкую музыку люди похоронно медленно мнутя на месте, обнявшись и млея с идиотически различными выражениями лиц; и о сахаринно-пиротном мире «дамских» интересов, все еще живучем, хотя уж и само слово «дама» в советских условиях лишь архаизм, по недо-

Мир интеллигентного человека В ЭТОМ И НАША ВИНА

разумению сохранившийся, когда речь заходит о портовых, парикмахерских и туалете. Однако обо всем не скажешь, и я остановлюсь на одном дне рождения, куда попала по чистой случайности.

Встретив гостей, хозяева ничем не могли, да и не пытались внести какое-либо оживление в среду собравшихся или завести общую беседу.

Всю свою выдумку и энергию хозяин тратил на то, чтобы у всех было «налито» и всеми «выпито». А хозяйка приняла роль дамы-наставницы «хорошего тона», то и дело раздавалось обращение к мужу ее томное мяуканье: «Бобик, к рыбе, кажется, положено белое вино», «Бобик, а ведь птицу разрешается есть руками», «Бобик, ведь принято помогать даме слева...»

А «Бобик» числится научным сотрудником, жена его — врачом, дети — студентами.

Да, это совсем иное мещанство, чем то, которое мы знаем из книг, театра и живописи. Оно обходится без дешевеньких ковриков с лебедями и русалкой, без подушечек и вышивок, разбросанных по всей квартире, без альбомчиков с открытками «кого люблю — тому дарю». Оно само иронизирует над всем этим и презирает былых мещан. Но оно не может обойтись без такого вот «дня рождения».

Правильно говорят, что общечеловеческая вина не всегда достаточно активна, когда речь заходит о морали, об этике.

Однако только ли в этом существо проблемы? Нет ли тут и нашей вины, вины художественной интеллигенции?

Мы привыкли к тому, что наша работа оценивается высоко, ее называют творчеством. Нас величают инженерами человеческих душ. Нашу «продукцию» нельзя измерять тоннами, квадратными метрами или рублями. И мы так привыкли к этой безотчетности, что порой не видим своих недостатков даже тогда, когда они приводят к очевидным житейским и жизненным бедам. Этот парень, что хамство почитает за остроумие, и красивая его приятельница, пренебрегающая своим девичьим достоинством, идушный мирок «Бобика», где интересы и желания не перелетают через плетень набитой добром квартиры, и карточные игры на пляже, и «стильные» танцы, и «дамские» интересы — ведь все это свидетельство и нашей плохой работы.

Было бы ошибкой не видеть наших больших достижений. Однако еще большим промахом было бы замазывание недостатков. Художественное совершенство и зрелость советского искусства надо измерять тем, насколько его образы властвуют над умом и сердцем современника, насколько их обаяние порождает желание уподобиться героям произведения.

Это высокая, но это и единственная мера нашей работы. И, если быть честными, надо признать, что мы до нее не дотягиваем.

Где образы нашего современника, которые бы по своему благоприятному воздействию могли бы сравняться с Павкой Корчагиным и фадеевскими молодоговардейцами, с питерским Максимом и Великим гражданином? Где характер светлый и чистый, покоряющий широтой восприятия жизни, богатством ума, силой духа и скромной обаятельностью?

Возьмем, к примеру, талантливого авиаконструктора А. Н. Туполева.

Л. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ, народная артистка СССР

Ведь если бы он занимался совершенством а нием конной телеги,

нам было бы просто обидно за его погибающий талант, хотя и телеги, понятное дело, тоже нужны. Если бы он сосредоточился на создании различных вариантов своего легендарного «АНТ-25», на котором Чкалов и Громов ставили свои рекорды в тридцатые годы, то и это не было бы достойно выдающегося инженера-академика. А. Н. Туполев не смакует освоенное, он идет в ногу с жизнью, и поэтому мы летаем на «ТУ-104», имеем «ТУ-114» и ждем новых «ТУ».

Мы же, инженеры человеческих душ, больше оглядываемся назад или повторяем пройденное. Вот и топчемся на месте. Нужны, конечно, и кинотрилогия «Хождение по мукам», и фильмы «Тихого Дона». Но прежде всего нужен современный герой во всей своей красоте. Нужна современность, наступательность, идейное и художественное мастерство нашего искусства.

Сколько лет мы выбросили на ветер, ломая копы по поводу конфликтности и бесконфликтности, занимаясь проблемами положительного героя и прочими надуманными «проблемами». А между тем наш экран и театральные подмостки заполняли блестящие камуфляжные золотом, голубой и розовой пошлостью, лакирующие буржуазный мир, художественно несовершенные «заграничные» фильмы и пьесы.

Люди с жизненным опытом смотрят такие фильмы с улыбкой или вовсе не ходят на них. Но для опустошенного «Бобика» и его семьи, для оказавшейся по недосмотру в стороне от всенародного азарта создания юной зелени эти фильмы имеют необычайно притягательную силу. Это их «университеты» хорошего тона, одежды и танцев, причесок и улыбок, жестов и ходячих острот.

Да и мы сами умудряемся допускать к аренам культуры самую откровенную халтуру и пошлость.

Немало «романтизации», сальностей и лжерозовоблачений западной культуры видим мы на сцене, слышим по радио и с грампластинок.

В балет «Подставная невеста», поставленный нашим театром, авторы включили, например, танец апаши. Заметив дорогие серьги у своей партнерши, апаши вырывает их из ушей. Потерпевшая закалывает парня и, вынув из его кармана серьги, хладнокровно закуривает сигарету. Учитывая, что актеры подобрались одаренные, танец апаши стал «гвоздем» спектакля. На какого зрителя рассчитан этот смакующий уголовщину эпизод? Однако сколько усилий потребовалось для того, чтобы этот танец был выброшен!

В первой программе нового белорусского цирка есть аттракцион «Львы и купальщицы». В большом стеклянном аквариуме морские львы, бросаясь за рыбой, делают различные упражнения в воде. Две купальщицы стараются повторить трюки животных. Больно смотреть на этих женщин, вынужденных нырять в мутную от занесенных животными с арены опилок воду. В довершение всего одна из купальщиц берет в рот рыбу, бросается в воду, и ее партнер-тюлень зубами вырывает рыбу изо рта.

На чьи вкусы рассчитано это дурное щекотание нервов?

...Когда хирург делает сложную операцию, он понимает, что может исцелить человека. Он понимает также, что одно неловкое движение может быть роковым. У нас — писателей, артистов, композиторов, у всей художественной интеллигенции — орудие куда более острое и ответственное. Мы имеем дело с человеческими душами. Каждый раз на нашем операционном столе — тысячи и тысячи людей. Так давайте же проникнемся той великой миссией, которая на нас возложена, и уясним себе, что каждый «Бобик», каждый стилиста, спекулянт и хулиган — это и наша недоработка, это результат недостаточности идейного и художественного влияния наших поэтов и романов, пьес и опер, фильмов и симфоний, песен и картин.